

ВИТАЛИЙ ПРЯДЕИН

МАТРС

Виталий Прядеин

Матрос

«Издательские решения»

Прядеин В. Ю.

Матрос / В. Ю. Прядеин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963806-9

Эта книга родилась из коротких заметок, начатых мной ещё во время службы. В течение 3 лет она по крупицам собиралась из осколков моих воспоминаний о флоте. Я подумал, что негоже такому опыту пропадать даром, поэтому перенёс его на бумагу. Практически вся книга была написана в заметках на смартфоне.

ISBN 978-5-44-963806-9

© Прядеин В. Ю.
© Издательские решения

Содержание

МАТРОС	6
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Матрос

Виталий Юрьевич Прядеин

Редактор Евгения Александровна Прядеина

© Виталий Юрьевич Прядеин, 2019

ISBN 978-5-4496-3806-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

МАТРОС

*Военкомат – страна чудес,
На час зашёл, на год исчез*

Я, наверно, пропущу все моменты, связанные с военкоматом, медкомиссией, и прочей ненужной информацией. Начну с распределителя, где и начинается армия во всем ее проявлении. Распределитель – это духота в автобусе, звенящая тишина внутри, нарастающее напряжение. Сжимаю лямку рюкзака в правой руке. Никогда не забуду этих ощущений, когда в голове стоит шум, а с бритых висков стекают капли грязного пота. В этот момент я понял, что уезжаю из дома. Уезжаю надолго. Что меня ждёт дальше? Одному Богу известно.

Открываются тяжёлые ворота областного военкомата, и автобус въезжает на его территорию. Меня охватывает волнительное и не очень приятное ощущение – неизвестность. Ты не знаешь, к чему готовиться, как реагировать на те или иные моменты, даже примерно не представляешь, с чем или с кем придётся иметь дело. А ведь мы все ещё наслушались рассказов и страшных баек про армию, дедовщину, офицерщину, про унижение и изоляцию. (херня это или нет? Везде это или в конкретных частях – неизвестно)

Вернёмся к военкомату. Он же распределитель, он же обезьянник, он же выгребная яма. Первое, что вижу из окна автобуса – куча зелёных человечков, которые сидят на расставленных в центре длинных скамьях. Эти парни уже в форме, прижали пятые точки на скамейки и жарятся на солнце. Везде снуют офицеры с блестящими звёздами на погонах (звания я тогда ещё не различал). Наконец автобус останавливается, и мы выходим.

«Так, не разбегаемся, построились в шеренгу!» – кричит нам мужик в гражданском. Никто из нас спорить не стал, построились, стоим. Я разглядываю солдат, сидящих на скамьях. Видели бы они свои лица; на них же все боль и скорбь этого мира.

К нам подошёл парень в форме. Высокий, весь помятый, форма выцветшая, а на погонах три лычки.

«Так, на флюорографию все, вон вагончик! Тьфу, кузов! Короче, идём туда» – сказал парень и показал рукой направление, в котором мы должны идти. Забавный парень; говорит быстро, запинаясь, сам себя поправляет. Сейчас вспоминаю и понимаю, что выглядело это смешно, но в тот момент было не до смеха.

Уже тогда начали происходить непонятные вещи, которыми была наполнена вся армейская служба. Зачем флюорография? Я проходил ее уже дважды (кстати, за всю службу прошёл ее 5 раз), но здесь всем, похоже, на это плевать.

Встали в очередь перед вагончиком, оборудованным медицинской аппаратурой. Так получилось, что я оказался впереди остальных, поэтому махом прошел процедуру и уже через минуту стоял вне очереди, пялился на кучу рюкзаков, которые мы принесли с собой.

Почему-то в голове пронеслась мысль о том, как же много продуктов мы взяли с собой: консервы, дошираки, печенье, конфеты, пряники, рулетики, чай, сахар, хлеб, сыр, паштеты. Практически все это пойдет на выброс. Еще я смотрю на то, как только переодетые в зеленую форму бойцы скручивают свои бушлаты, чтобы закрепить их на вещмешках. Достая «тапок», смотрю, кто звонил мне. Пропущенных нет. Родителям я сказал, чтобы не тарабанили особо, не ставили меня в неловкое положение. Если что-нибудь выясню, то сам наберу их. В пачке осталась всего пара сигарет. Быстро ищу глазами магазин, нахожу его около курилки. Магазином оказался маленький ларек для нужд военнослужащих.

– Так, теперь все направляемся внутрь на медкомиссию! – сказал мужик в форме, который, судя по всему, теперь нами руководит.

Идем внутрь здания. Очередная медкомиссия, каких было уже три. Меня успокоили, сказали, что это последняя перед отправкой. Внутри нам выдали на руки личные дела, сказали раздеться и идти на комиссию.

Снова бесконечные очереди в кабинеты, люди (в основном женщины средних лет) в белых халатах, одни и те же вопросы, типа: «Жалобы есть?» или «Травмы были?». Везде отвечаю коротко: «нет». Психолог смотрит внимательно, спрашивает всякую чушь, пытается запутать, задает один и тот же вопрос по несколько раз, каждый раз формулирует его по-разному.

– Если бы в нашей стране можно было бы употреблять наркотики легально, ты бы употреблял?

Даже боюсь представить, каким надо быть тупым человеком, чтобы ответить тут положительно.

– Нет, мне это неинтересно, – внешне я спокоен, но меня это раздражает.

Поглядываю на врача, сидящую рядом, она буравит меня глазами.

– Что, даже травку бы не курил? – психолог искренне удивлен.

– Ну не зря же ее запретили, значит, это вредно для здоровья, – говорю я.

– Ясно. Где, говоришь, наркотики покупаешь? – психолог опускает глаза в мое личное дело и задает этот вопрос как бы между делом.

– Я не употреблял никогда в жизни наркотики – отвечаю я, а про себя думаю: «Решила, что меня можно просто так подловить, ага, выкуси».

– Назови столицу Канады, – подала голос второй врач.

Первое, что приходит в голову – «Монреаль». Я вообще не знаю, что у них там в Канаде происходит. Она же не на слуху. Я там не был никогда, и вряд ли буду, поэтому не мудрено, что я о Канаде не думаю. У меня вообще полно в жизни проблем и мне просто некогда думать о стране, которая находится очень далеко. Как знание или незнание столицы Канады может повлиять на определение моего психического состояния?

– Оттава... Вроде бы, – неуверенно промямлил я.

Психолог кивнула, поставила печати о том, что здоров и отпустила меня. Кстати, забыл сказать, что была еще процедура снятия отпечатков пальцев: по ладоням проходят маленьким валиком, измазанным какой-то краской (черного цвета), затем кладут листы бумаги с твоей фамилией на стол, и нужно просто дотронуться до них, оставляя следы. Я, конечно же, пару листов испоганил (неправильно приложил пальцы), но со второй попытки все получилось. Мне дали салфетки и показали, где можно отмыть руки от краски. Минут десять отмывал. Все остальное по стандарту: невролог, хирург, окулист, дерматолог и т. д. Везде все прошел на «ура».

Захожу в большой кабинет, где стоит длинный стол. За ним сидят три женщины, во главе стола председатель медицинской комиссии.

– Ты женат? – спросила председатель, смотря в мой военный билет, а затем поднимает глаза на меня.

– Нет. Скажите, на флот ведь сегодня забирают? – ответил я вопросом на вопрос.

– Да ты что, родной, моряки уж давно все уехали, – улыбается женщина, а мне становится тошно.

Пока выходил на улицу, лихорадочно вспоминал, кто же там остался. Думал, что сейчас заберут к черту на куличики, в какие-нибудь ракетные войска на Дальнем Востоке.

Сидим на скамейках под открытым небом, жаримся на солнце, просто ждем. Периодически нас водят в курилку, где помимо прочего можно еще сходить в туалет, а также посетить магазинчик (чипок). В туалет очередь невероятная, но деваться некуда. Пришлось ждать.

Справил нужду, посетил чипок, где купил пачку сигарет, бутылку газированной воды и еще какую-то мелочь. Постояли, покурили, нервно посмеялись с парнями, как-то неуверенно друг друга подбадривали. В это время всех новеньких уже потихоньку начали забирать «покупатели». Те, которые уже были переодеты в «зеленку», распределились и ждали отправки. Сидим дальше, парней периодически забирают, уводят куда-то в недра военкомата, где с ними «беседуют» покупатели.

Меня как-то сразу начало накалять слово «покупатель». Оно казалось каким-то неуместным, мы же вроде солдаты, а не крепостные крестьяне и едем служить, а не продаемся в рабство. Позже я понял, что не прав, и слово это было абсолютно уместно.

Спустя несколько часов безделья и томительного ожидания, к нам вышел молодой сержант срочник, держа в руках список. Он зачитал семь фамилий, в том числе и мою, после чего сказал, что надо идти за ним.

И тут внутри все заколотилось. Что же это за войска, где нужно всего семь человек? Наверное, что-то очень секретное и серьезное. Сразу вспомнил, что в военкомате меня одна дама все рвалась записать в команду на Краснодарское училище связи, объясняя это тем, что туда берут только парней с высшим образованием и идеальным здоровьем. Туда меня, скорее всего, и хотели отправить сейчас. Мы зашли в здание. В конце длинного коридора за маленьким столиком сидел высокий мужчина в черной форме. На столе перед ним лежала красивая белая фуражка и тоненькая кипа личных дел.

«Что-то не похоже на связь, наверное, летчик», – думалось мне, сердце готово было выпрыгнуть из груди, ноги ослабли и уже не слушались, в горле пересохло. И тут я увидел его шевроны. В эту секунду время для меня остановилось.

На шевронах были изображены скрещенные якоря. Все-таки ВМФ.

Нас было всего семеро. Обычные ребята, ничем не примечательные, с бритыми головами, все среднего роста. Уж и не знаю, по какому принципу велся отбор, да и не хочу рассуждать на эту тему. Просто так сошлись звезды, судьба такая была. В жизни бывает, хоть и редко, но бывает. Офицер называет мою фамилию, я сажусь напротив него, он рассматривает мое личное дело:

– Поедешь в Питер, послужишь, – говорит офицер. По его лицу стекают капельки пота. В помещении душновато.

– Ага, – отвечаю я.

А что тут еще можно ответить.

– Сначала Питер, там учебка, потом на корабль. Срок службы -12 месяцев, – сказал офицер монотонно, без эмоций.

Для него это просто работа. Но для меня это был шок. Где я, а где морфлот? Я же моряков-то не видел в жизни, даже не представлял себе их никак, разве что в кино и на картинах. Тут я вспомнил Гришковца с его спектаклем, где он рассказывал про свою службу на флоте (хотя он служил три года, а это охренеть, как много) и так четко охарактеризовал моряков как высоких красивых мужчин со скрещенными на груди пулеметными лентами. Хорошее сравнение, так моряков представлял и я, пока сам им не стал. Реальные матросы не так эпичны, пулеметных лент они не носят (им вообще оружие не доверяют, только швабры). Да и иметь высокий рост на флоте – не практично. На кораблях потолки низкие, узкие коридорчики, замкнутое пространство, много трапов и люков. На корабле, чем ниже, тем лучше.

– Отъезжаем 3-го числа, – сказал офицер.

Потом заговорил о чем-то еще, но я уже запомнил, все остальное было незначительно. Даже подняться со стула оказалось непросто, ноги тряслись, было волнительно. Все усложнялось тем, что еще и уезжали мы не сразу, а только через пару дней. Два дня сверху в этом гадюшнике. Вообще, достаточно распространенная история, когда призывники на распреде-

лителе проводят много времени, пока их не заберут. Официально это время не входит в счет службы.

Пока офицер говорил с остальными ребятами, я успел обзвонить всех, кого мог и похвастаться, что меня взяли в ВМФ. Конечно, перед тем, как попасть туда, я нарисовал себе всяких картин, уже видел моря, которые бороздил на больших кораблях, огромные волны и бушующие шторма, воображал, что мне предстояло преодолеть, и я такой весь красивый, в морской форме, стою на верхней палубе, опираясь на мачту. Все это, конечно, так, но реальность не настолько ярка. Естественно, есть там какая-никакая романтика, но всю ее перебивают тяготы и лишения военной службы.

После этого нас повели переодеваться, предстояло впервые надеть форму. Момент интересный и достаточно волнительный. В небольшой каютке, заваленной от пола до потолка комплектами «зеленки» молодой сержант внутренних войск по одному выдавал нам обновки. Парень был весел, много шутил.

– Тебе сколько служить-то еще? – спросил его один из рекрутов.

– Пять, – улыбнулся сержант. Он стоял с отодвинутой на затылок кепкой, держал руки в карманах, во рту зубочистка. Этаким дембельский стиль, поначалу выглядит забавно, но со временем понимаешь, как это удобно.

– Месяцев? – я так надеялся услышать «да», но его ответ меня просто уничтожил.

– Дней, – он светился от счастья, а у меня служба еще не началась, я даже представлять не хотел тот океан времени, что мне предстояло провести в армии. Подошла моя очередь, я назвал свои размеры одежды, обуви, головного убора и получил на руки: пахнущую складами и сыростью форму, новые берцы 43-го размера, бушлат, зимние штаны, кашне, две пары летних носков, две пары зимних носков, ложку, кружку, армейские тапочки (они вообще неубиваемые, как старая дубовая «нокия»), несколько белых платков, варежки, армейские трусы, тренчик. Вроде все назвал, может, еще там что-то было, уже и не помню. Нам сказали, чтобы мы одевались и пошустрее. Гражданскую одежду сложили в наши сумки, а все съестные запасы перекидали в вещмешки. Нас предупредили, что еду лучше всего съесть по пути в часть, потому что все это неуставное и, скорее всего, будет конфисковано. «Зеленка» хороша огромным количеством карманов, что в армии необходимо. Только на одних штанах уже есть четыре кармана, правда, как показала практика, они вечно набиты до отказа всяким ненужным хламом. На гимнастерке нагрудные, т.е. подарочные.

Подарочными их называют потому, что в них удобнее всего совать руки офицерам во время построения. Так они и делают: чуть что, сразу лезут в подарочный карман, посмотреть, нет ли там чего неуставного. Мы слишком долго телились со шмотками, и нас погнали в коридор, где стояла еще одна группа терпеливо ждущих новобранцев.

– Так, по одному на вход марш! – скомандовал им ефрейтор. Пацаны угрюмо поплелись переодеваться. Я возился со шнурками, берцы оказались тяжелыми, ну хорошо, что хотя бы без кирзовых сапог теперь служим, портянки я, кстати, тоже не видел.

– Куда вас? – спросил ефрейтор. Он сверлил нас глазами, видел, что мало нас, значит, какая-то особая команда.

– На флот едем, – ответил я.

Справившись со шнуровкой, я принялся за ремень.

– Повезло, этих вон запахов отправляют на дальний восток в танковые, целый год будут танки выкапывать, – кивнул ефрейтор в сторону ребят, которые переодевались.

Наверное, он был прав, не хотел я об этом думать, меня волновала только моя служба. Я полностью разобрался с формой, она все-таки была мне великовата, явно не попадала в плечам. Когда надеваешь форму, сразу меняются многие ощущения. Это вообще отдельная тема, на которую надо серьезно порассуждать. Во-первых, можно сразу забыть о комфорте, потому что гражданскую одежду мы подгоняем под себя (учитывая комплекцию, рост, вес, материал,

погоду, настроение и т.д.). Армейская форма штопается по стандарту на всех, без учета индивидуальных пристрастий. Материал универсальный, прочный и жесткий. Берцы тяжелые, плотные, ноги все время не проветриваются, а с непривычки (у кого кожа понежнее) моментально покрываются мозолями. Все это дело перерастает в гнойники, и ноги гниют заживо, поэтому надо очень аккуратно, за ними необходимо тщательно следить. Во-вторых, сама по себе форма начинает «давить», ее грубый зеленый цвет уравнивает тебя с остальными, душит и подавляет весь позитив. В армии большую часть времени солдат ощущает неполный спектр эмоций, они варьируются лишь от полного нейтрального безразличия до жгучей ярости. Редко, когда проявляется истинная радость и, даже боюсь это слово произносить, «счастье». Скорее, такие моменты можно считать исключением.

Поймите правильно, я не жалею и вовсе не пытаюсь опорочить патриотические чувства либо намеренно изгадить образ армии. Я говорю только то, что видел своими глазами, анализирую и пытаюсь дать объективную оценку. Пытаюсь, насколько это возможно, но возможно не всегда.

И вот я в форме, еще не флотской, в общеевойсковой, но это уже можно считать точкой невозврата, отправным моментом. Надел форму и сниму ее теперь нескоро. Если уйти от метафор и аллюзий и вернуться на грешную землю, то давайте пробежимся по ощущениям, которые испытывает солдат. Теперь все только строим. Все передвижения, за исключением похода в туалет и по каким-либо поручениям, все производится в строю. Всегда и везде перед тобой затылок товарища, сзади, справа, слева, везде тоже одни сплошные товарищи. Серая масса, пардон, в данном случае зеленая. Встаем по росту, каланчи – в начало строя, карлики – замыкают. Ну а середнячки барахтаются посередине, как бревно в проруби. Я как раз середнячок, но ближе к концу всегда стоял, так удобнее, тебя никто не видит, никто тебя не трогает, стоишь себе, думаешь о своем. Вот и сейчас, пришло время обеда, идем в столовую.

Обед был неплох, во всяком случае, я ожидал похуже. Дали вполне наваристые щи, котлеты с макаронами, чуть сладкий чай. Я все съел и уже собирался было встать, но тут-то мне и пришлось освоить главное правило армейской службы: «инициатива еб** инициатора» или проще говоря – не высывайся. Сержанты заметили, что я не ем, а чего-то тормошусь туда-сюда.

– Поел, воин? – спросил сержант.

Его я заметил не сразу, решил, что это он не мне сказал. Увидел я его, когда он навис надо мной.

– Да. То есть так точно! – не мог я еще привыкнуть к этому дебильному сленгу.

– Ну и замечательно, тогда останешься здесь, посуду убирать на кухню. Вопросы? – он поправил блестящую бляшку со звездой. Спорить не хотелось.

– Нет вопросов, – ответил я.

Какие уж тут вопросы. Все поели, вышли из-за столов и направились к выходу на построение. Я быстренько перетащил всю посуду на кухню, где поварихи меня сердечно поблагодарили, предлагали даже еще чайку или дополнительную порцию каши, тактично отказался. Мусор пришлось скинуть в бачки. Затем я побежал на построение.

Ничего особенно примечательного больше не происходило, мы сидели на скамейках под открытым небом и ждали. Периодически нас выводили в курилку и в туалет, еще отпускали посетить местный чифан. Тогда я еще не знал, что немного позже поход в магазин станет для меня, как для Гагарина полет в космос. Я стоял, курил и разглядывал других. Каких только парней не встретишь в армии. Тут тебе и мускулистые, толстые, тощие, жилистые, быдловатые, туповатые, наивные, умные, дерзкие и многие другие. Собрали каждой твари по паре. Объединили нас всех, напялили форму и заставили плясать под дудку, диктуемую конституцией.

– Вот я так и знал, что все это будет такая хренотень, – вздыхает один парень, выбрасывая окурок в урну.

Его даже никто не спросил, что он имеет в виду, все итак все поняли. Человеку с гражданской вся эта армейская система кажется просто смешной и нелепой. Думаешь: «Как же так, ведь я учился (кто-то недоучился, кто-то закончил) и теперь я здесь, тупой дуболом, обреченный выполнять чужие приказы... Зачем?»

Пару раз заявлялся один из сержантиков, приказывал снять кепки, увидев поле бритых голов, он махал рукой и уходил восвояси.

– Че такие лысые все? Короче, если кому подстричься надо будет, подходите, – сказал сержант.

В его сторону даже никто не смотрел, практически все заранее постриглись. Солнце садилось, предстояла первая ночь на армейской шконке.

Следующий день был таким же, как и предыдущий. Мы сидели под открытым небом и ждали, пока разъедемся в войска. Нас кормили, выводили в курилку и туалет. Я звонил несколько раз домой, успокаивал родителей, говорил, что пока ничего не ясно. Такими моментами пропитана вся армия, никто ничего не объясняет, просто сиди и жди, пока скажут, что делать и куда идти. Все остается в полной неизвестности до самого последнего момента. И даже то, что наши дела взял офицер с флота еще не было гарантией, что мы именно на флот и попадем. Я, если откровенно, сомневался в этом даже тогда, когда меня уже сажали на поезд.

– Нужны четыре человека для уборки в роте, живее только, – сказал старшина.

Он был не в духе, с полминуты подождал, не дождался ответа (добровольцев не нашлось) и потом его порвало:

– Ах вы, суки, ну ладно, пойдешь ты и ты! – заорал старшина и показал на меня, – А еще вон те двое: жирный и мелкий!»

Все названные с кислыми рожами лениво подняли пятые точки и поплелись вслед за старшиной. Делать нечего, пришлось идти и мне. Мы поднялись в роту и начали убираться. Я принялся взбивать подушки и поправлять заправку кроватей. Другие бойцы подметали и мыли полы. На все про все у нас ушло около получаса, однако, временных рамок не дали, до ужина времени достаточно, можно пока и не возвращаться на улицу, а поторчать здесь.

Я присел на подоконник и уставился в окно, показывающее мне кусочек гражданской жизни, все прелести которой я начинал потихоньку оценивать.

– Духота какая, – подал голос один из бойцов, тот самый, которого старшина окрестил «мелким».

В казарме и правда было душновато, я приоткрыл окно, и в лицо ударил горячий воздух с улицы. Не вариант, лучше не открывать окна.

К вечеру пришел фотограф делать фотографии для родителей на память. Бойцов одевают в специальную безразмерную форму, накидывают берет и кепку, говорят, чтобы мы приняли героическую позу и делают фотографии, которые потом продают втридорога родителям. Расстрогавшиеся взрослые, увидев свое чадо в форме на фотографии, конечно же, выкладывают денежки и после делают трогательные рамочки для этих фотографий, ставят дома и целый год вздыхают, смотря на них. Меня, как и прочих, посадили, тоже одели в эту дурацкую форму, нахлобучили на голову берет (хотя, мне никакой берет не положен) и сказали, чтобы сделал серьезное лицо. Я, конечно, много позже, видя эти фотографии, надрывал живот, так это смешно выглядело.

Дальше – построение на ужин. Второй день в армии подошел к концу, а служба официально даже не началась. Меня это немного начинало раздражать, но делать нечего, приходилось ждать, от тебя ничего не зависит.

На третий день нашу команду заставили таскать мешки с формой для новобранцев со складов в каптерку. Занятие нудноватое, но нам еще повезло, потому что других рекрутов муштровали на плацу. Поднимая левую ногу, ребята под палящим солнцем застывали на месте и учились тянуть носок. Занятие это очень неприятное, так что, мне показалось, что таскать

мешки лучше. Чтобы продлить удовольствие, мы двигались медленнее, чем могли и попутно устраивали небольшие передышки, но так, чтобы не провоцировать сержантов. Ближе к обеду все занятия по строевой подготовке закончились, примерно в это же время мы дотаскали мешки. Вроде бы время строиться на обед, но тут офицер вызвал нашу команду.

– Короче, обедаем, затем быстро хватаем вещмешки, рыльно-мыльное и строимся здесь на плацу, будем проверять, что у вас есть, а чего нет, – сказал лейтенант. Вид у него был помятый, сразу видно, что его ночка прошла бурно, в отличие от нашей.

– Вопросы? – спросил он.

– Никак нет! – хором проголосили мы.

– Не обязательно было сейчас что-то кричать, ладно, короче, давайте бегом в столовую.

Приказ есть приказ. Вообще, я обратил внимание, что в современной армии очень тщательно относятся к солдатскому желудку, и самое страшное преступление со стороны офицеров – оставить солдата голодным. Мы пообедали, собрали пожитки и выстроились на плацу, где уже ждал лейтенант. Он достал список вещей, которые необходимо было иметь в вещмешке и начал их перечислять, а мы по команде доставали вещь за вещью, затем выкладывали все на асфальт. Лейтенант медленно осматривал содержимое наших вещмешков. Убедившись в наличии всего необходимого, приказал все собрать и рассаживаться на лавочки. Впереди ждали последние приготовления и, собственно, отбытие на место службы. За пару дней мы немного попривыкли к распределителю, уже знали, чего ожидать, как тут нам предстояло сменить обстановку. Ощущение перемен всегда заставляет нервничать, особенно в армии. Через минут пятнадцать к нам подошел сержант, одетый в полицейскую форму, в руках он держал наши бумаги.

– Значит так, ребят, – сказал сержант, – с этого дня начинается год вашей службы, это будет записано в военных билетах. Сейчас я выдам ваши карты, на которые вам будет начисляться заработная плата, положенная военнослужащему. Распишитесь здесь и здесь.

Он показал галочки, где нужны были подписи, и стал вызывать по одному.

– Надо же, даже деньги будут платить, – удивленно поднял брови один из нас.

– Да там не разгуляешься, хватит только на сигареты, носки, мыло да туалетную бумагу, – усмехнулся сержант и забрал подписанные бумажки, – теперь ждите, за вами придут.

Пришли минут через двадцать. Был даже момент высоких почестей: к нашей команде лично подошел майор и завел длительную речь о том, как нам повезло, что мы отправляемся на флот, о том, что это большая честь и очень немногие удостоиваются ее. Он сказал, что нас очень мало, и включать для в нашу честь парадный марш не будут, но вместо этого он лично пожмет каждому из нас руку.

– Нале – во! – скомандовал майор после рукопожатия, – в автобус по одному бегом марш!

Мы побежали к автобусу. За спиной я услышал ликование и свист других новобранцев. Этих парней ждала совершенно другая служба, но меня она не касалась. Итак, автобус едет на вокзал, я смотрю в окошко на знакомые до боли улицы. Теперь увижу их только через год.

– Ну понеслась, – выдохнул я.

Опустим все прощания на вокзале. Это момент хоть и очень трогательный, но личный, и к повествованию имеет мало отношения. Скажу только, что старался выглядеть серьезно и не подавать виду, что расстроен. Родители и еще несколько провожающих меня человек делали то же самое, но у них получалось хуже, чем у меня. Мама пришла в темных очках и не снимала их всю встречу, чтобы никто не видел ее вспухшие от слез глаза. Меня проводили до самого поезда, вручили в руки кучу авосек с вкусняшками и посидели со мной внутри вагона. Лица у мамы с папой были такие, как будто еду я на войну. Но родители есть родители, и, конечно, им очень больно отпускать своего сына. Подошло время прощаться. Отец крепко обнял меня, долго не хотел отпускать.

– Береги себя, – он держался стойко, но глаза все выдают.

– Я как приеду, сразу позвоню, будьте на связи, не расставайтесь с телефоном даже в туалете, потому что могу позвонить в любой момент, – сказал я. Говорил я быстро, а отец в ответ только кивал. Время вышло и пришлось нам расстаться. Родители еще долго стояли на перроне, смотря на меня через окно. Я видел эти лица, самые родные на всем свете. Я не мог их подвести, я не мог позволить им краснеть за меня. Я смотрел на них и молил Господа, чтобы этот момент не заканчивался никогда. Я хотел, чтобы у меня было еще немного времени, хоть чуток. И тут поезд тронулся.

«Нормально все будет! Я вернусь мама, слышишь!» – кричал я в окно, пока поезд набирал обороты. Все мои провожающие скрылись из моего поля зрения, с ними вместе ушла и моя гражданская сущность. Теперь все, я – матрос.

Места для всех бойцов были расположены в двух разных вагонах и, конечно, на боковых полках (естественно, речь идет о плацкарте). Лейтенант назначил меня старшим над двумя другими матросами и оставил нас одних в вагоне.

– Чтоб без всякой фигни, к гражданским не пристаем, да? Если какие-то вопросы или проблемы, то сразу ко мне, сами ничего, вник? – сказал лейтенант, смотря мне прямо в глаза.

– Так точно, – ответил я.

– Красавчик, – довольный, лейтенант удалился в свой вагон.

Мы, расположившись поудобнее, забрав и расстелив белье на койки, принялись уничтожать все, что нам дали родные.

– Надо все съесть, пока едем, – говорит сослуживец, жуя пиццу, – брат сказал, что по приезде в часть все отбирают, оставляют только уставное: бритву, зубную пасту, щетку и все такое.

– Брат где служил? – поинтересовался другой парнишка. Он был высокий и тощий, но ел как конь.

– В ракетных, он даже на дизеле сидел полгода, с черными подрался.

Начались эти бесконечные байки о том какая жесть происходит в армии. Я старался не слушать. Пока сам не столкнешься, все эти рассказы ничего не значат. В реальной жизни впечатления совсем иные, но соглашусь с тем, что на нервы подобные эпосы хорошо действуют.

Весь день мы ели просто до отвала и все равно не опустошили наши сумки даже наполовину. Уже ближе к ночи я почувствовал недомогание, в горле запершило, но не понятно, как это случилось и все попытки вспомнить, где это я мог простыть не увенчались успехом. Потом стало понятно, что температура и першение в горле из-за того, что мне вдруг приспичило открыть форточку, потому что в вагоне казалось душновато. Я подумал, что со стороны это выглядело не очень хорошо, я же только что призвался, даже до части не доехал, а уже успел заболеть.

Наступило утро. Проблему с моим состоянием надо было решать как можно скорее, поэтому я решил пробежаться по вагону и поклянчить лекарства у людей. Сразу я не смекнул, что просить надо у бабушек или взрослых женщин, у них к солдатам особое отношение. У солдатских матерей нет чужих сыновей, их дети тоже служили, поэтому эти женщины с радостью помогли лысому мальчонке в форме. Я закидал себя таблетками, которые успел насобирать, надеясь, что молодой организм быстро придет в себя.

Поезд подъезжал к Петербургу, и надо было готовиться к выходу. Я быстро скидал еду в вещмешок, но осталось несколько банок сгущенки, тушенка и пара шоколадок – все, что мои сослуживцы не смогли съесть из припасов, которые передала мне мама. Надо было избавиться от всего этого добра, ведь меня настращали, что все это отберут, когда приедем на место. Я не нашёл способа лучше, чем отдать еду проводнице поезда.

– Да зачем мне все это? – смущенно спросила она.

– У нас в части все отберут, жалко, поэтому заберите, продадите кому-нибудь, у вас же постоянно что-то покупают, – ответил я.

Отнекивалась она недолго, в конце концов согласилась и забрала продукты. Я сдал белье, оделся и вышел в тамбур, положил вещмешок на пол.

Стоя в тамбуре я ждал, когда поезд подъедет к вокзалу, и молился. Я не знал, что меня ждёт, но хорошо понимал, что это будет непросто. Я просил у Господа сил и терпения, чтобы пережить все это. И это были чертовски правильные молитвы; именно силы и терпение мне в армии оченьгодились.

Жаркое летнее утро, душно, на мне «зелёнка», которая на пару размеров больше, чем надо, идём строем по спальным районам Петербурга, в руках длинная коробка с сухпайком.

На нас глазают гражданские, проходящие мимо. Смотрю на них, и настроение все хуже и хуже, но, с другой стороны, очень волнительно, и в голове крутится вопрос: что же будет, когда придём в часть? В голове уже всплывают картины из жутких видео, которыми интернет напичкан до отвала. Наверное, сейчас придём и нарвёмся на бритоголовых мордovorотов, которые сходу начнут нас бить табуретками по голове, прокачивать в упоре лёжа и творить прочую жуть. Думал я обо всем об этом, и становилось страшновато, ведь я входил в новый для себя мир, у которого была не очень хорошая репутация на гражданке, он окутан тайнами, жуткими байками и легендами. И мне предстояло провести в этом мире целый год. Подходим мы к огромному зданию, очень высокому, мрачному, из старого кирпича, который уже осыпается. Здание больше похоже на психиатрическую больницу из фильмов ужасов или тюрьму. Позже я узнал, что это бывшая женская колония, ныне переделанная под учебный центр ВМФ. Мы подходим к КПП, останавливаемся, через пару секунд открываются ворота, и выходит матрос, одетый в синюю форму с гюйсом, чёрной пилоткой на голове, на ногах какие-то черные ботинки, на боку у него висел зелёный подсумок. Он улыбается и гогочет, перекидывается парой приветственных фраз с нашим сопровождающим.

- Последний наряд! – задорно сказал он, одновременно и обращаясь к нашему командиру, и хвастая перед нами. Видя его радость, мы поникли ещё больше.

- Ты там на гражданке сильно не бухай! – крикнул ему наш командир.

Ах, как я бы сейчас набухался, кто бы знал!

Мы прошли через ворота и слева увидели высокую часовню, которая явно не вписывалась в местный антураж. Справа расположился выход на плац. Здание окружало его и образовывало такой закрытый двор, чтобы из любого окна просматривалась вся территория части. Мы подошли к одному из выходов и остановились.

– Становись, равняйся, смирно! С правой колонны по одному на вход бегом марш! – прокричал лейтенант.

Бойцы один за другим побежали в открытую дверь, а дальше вверх по лестнице на четвёртый этаж.

– Заходим внутрь и становимся в строй справа у стены!

Когда очередь дошла до меня, я сиганул вслед за остальными сквозь лестничные пролеты наверх. На четвёртом этаже попал в вылизанное яркое помещение, слева на квадратной платформе стоял матрос (все с таким же зелёным подсумком на боку), возле него располагалась тумба с телефоном (старомодный такой, с крутящимся диском для набора номера). Когда мы начали заходить, матрос вытянулся и отдал воинское приветствие, мы проигнорировали его жест. Как и приказал наш начальник, выстроились справа у стены и стали ждать, пока лейтенант поднимется. Из роты доносились голоса и смех, шорканье тряпок и веников.

– ПХД, – пояснил стоящий на платформе матрос. Видя наши вопросительные взгляды, он добавил, – просто ху**** день.

Из роты вышел офицер низкого роста и встал перед нами:

- Это ещё, бл***, че за стадо, ну-ка, привести себя в порядок! Подтянуться! Застегните все пуговицы, не на гражданке больше! – рывкнул офицер, чем нас изрядно обескуражил. Как-то вот не привык я еще к таким крикам, к скотскому обращению. Не сломалась еще во мне свобода, не уснула пока.

- Откуда такие? – спросил он у нас.

В этот момент в роту вошёл наш сопровождающий.

- Это мои, из Сибири, вот довёз до вас, получите, распишитесь, – сказал лейтенант. Затем он подал бумаги офицеру, тот мельком глянул на них и подписал.

- Ну все, я в Кронштадт, хорошей службы, – последняя фраза уже была адресована нам.

Лейтенант кивнул и удалился, а мы остались наедине с этим нервным офицером. Он оглядел нас, наши документы, затем вздохнул искомандовал:

– Нале-во! В расположение роты шагом марш!

Признаться честно, меня уже начинала немного раздражать вся эта военная фигня с командами и построениями. В расположении роты уже были матросы, они ходили вальяжно как на гражданке, в одних тельняшках и синих штанах, в руках они держали ведра и швабры. Некоторые двигали кровати, другие размазывали розовую пену по полу, третьи эту пену собирали скребками для мытья окон и совками. Вышел один из матросов, плотный крепкий парень невысокого роста.

– Так, построились вдоль стены, доставайте вещмешки, я буду называть содержимое, вы выкладываете по одному предмету, если чего-то нет, говорите, орать не надо, просто выставляем руку с предметом вперёд и все, – спокойно сказал лейтенант.

Я достал свой вещмешок, раскрыл его. Он был полон всякого армейского барахла, в том числе некоторых предметов, которые я взял с собой из дому. Например, там я обнаружил несколько упаковок «Дошираков», которые умудрился раздавить, из них высыпалось содержимое и в итоге все дно вещмешка испачкалось специями.

– Кружка! – закричал лейтенант.

Все достали алюминиевые кружки и выставили перед собой.

– Алюминиевая ложка!

Кружки положили на пол и вытащили ложки.

– Мыло!

Ту же процедуру повторили с мылом. За ним последовали зеленое кашне, пара носков, пара зимних носков, насессер, зимний бушлат и зимние штаны. Платок (две штуки), кусок мыла «звездочка» (не «Dugu», конечно, но все же), кальсоны осенние, кальсоны с начесом. Баталер (так на флоте называется каптерщик) проверил все по списку, у всех всего хватало.

- Так, вроде ничего не забыл, – сказал баталер, почесав репу.

- Да там и нет больше ничего, – добавил один из матросов в тельняшках.

- Да хрен его разберёт, у всех разные вещи, и все время чего-то не хватает, я удивлён, что у этих все на месте. Так, вещмешки переверните и потрясите, покажите, что пустые! – потребовал баталер.

Все перевернули вещмешки, и я нехотя сделал то же самое. «Доширак» вместе с рассыпанными остатками, естественно, покинул вещмешок и рухнул прямо на отполированный пол.

Я скривился в лице, ожидая удара с любой стороны, но лишь услышал:

– Ну мать твою, только помыли все!

Когда я раскрыл глаза, вокруг стояли несколько матросов, качали головами и причитали, глядя на рассыпанный по полу доширак.

– Напра-во! По одному в баталерку заходите и сдавайте ваши вещи, форму получите на днях. Нормальную, а не эту зеленую

Мы повернулись и встали в очередь сдавать вещмешки. И вот тут, наконец, появилась возможность все осмотреть. Казарма, как я её себе и представлял, смотрелась достаточно уныло: длинное помещение с кроватями в два ряда, тот ряд, что ближе к окнам, состоял из двухъярусных кроватей, а перед ним одноярусные. Все койки аккуратно заправлены синими одеялами и стояли ровно в одну линию. Позже я узнал, что они равняются по ниточке. У каждой кровати стояла табуретка, у двухъярусных, соответственно, две. На флоте их странно и ласково называют «баночками». Причём весь этот сленг упорно вливается в «синюю» массу и игнорируются какие-либо другие слова. В конце казармы пара розеток, видимо, для зарядки телефонов, у которых постоянно толкутся пара тройка бойцов, поглядывая в оба, рискуют ради пары лишних минут «заряда». Вообще, сотовые телефоны – отдельная тема в армии, которой можно уделить целую главу.

Приблизилась моя очередь сдавать вещи. Я зашёл в баталерку, положил свой вещмешок среди кучи других, видимо, тут я с ним расстанусь навеки, ну или нет, неизвестно. Мы стояли еще минут пятнадцать, ждали остальных. Это занятие быстро надоело, и мы решили присесть на баночки. Я облокотился на спинку кровати и прикрыл глаза.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.